

Дмитрий Иванович Писарев. Три смерти

Рассказ графа Л. Н. Толстого
("Библиотека для чтения" 1859 года) {1}

Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859-1862
М., Государственное издательство художественной литературы, 1955
ОСР Бычков М.Н.

Читательницы наши, без сомнения, знакомы со многими из произведений замечательного писателя, графа Толстого, о котором мы до сих пор не имели случая говорить с ними. Они прочли, вероятно, его "Детство, Отрочество и Юность", "Утро помещика", "Из записок князя Нехлюдова. Люцерн", "Метель", "Севастопольские воспоминания". Прочтя эти произведения, легко составить себе понятие о направлении таланта автора, об его характеристических, индивидуальных особенностях и о тех предметах, на которые он, в процессе своего творчества, обращает преимущественное внимание. Толстой – глубокий психолог. В этом нетрудно убедиться, ежели только припомнить выдающиеся черты его произведений, те черты, которые, даже при самом поверхностном чтении, поражают читателя, приковывают к себе его внимание и оставляют в уме его неизгладимое впечатление. Картины природы, дышащие жизнью и отличающиеся свежей определенностью, отчетливая обработка характеров, выхваченных прямо из действительности, смелость общего плана и жизненное значение идеи, положенной в основание художественного произведения, – все это общие свойства, составляющие принадлежность всех наших лучших писателей и отражающиеся во всех наиболее зрелых произведениях нашей словесности. Кроме этих общих свойств, у Толстого есть своя личная, характеристическая особенность. Никто далее его не простирает анализа, никто так глубоко не заглядывает в душу человека, никто с таким упорным вниманием, с такою неумолимою последовательностью не разбирает самых сокровенных побуждений, самых мимолетных и, невидимому, случайных движений души. Как развивается и постепенно формируется в уме человека мысль, через какие видоизменения она проходит, как накапливается в груди чувство, как играет воображение, увлекающее человека из мира действительности в мир фантазии, как, в самом разгаре мечтаний, грубо и материально напоминает о себе действительность и какое первое впечатление производит на человека это грубое столкновение между двумя разнородными мирами – вот мотивы, которые с особенною любовью и с блестящим успехом разрабатывает Толстой. Чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить, например, описание сна и пробуждения в "Метели", главу из "Отрочества", в которой изображено состояние Николенки, ожидавшего появления St. Jerom'a и наказания, место из "Юности", в котором Иртеньев ждет духовника в его келье; не знаем, нужно ли даже указывать на отдельные места: какую бы сцену мы ни припомнили, везде мы встретим или тонкий анализ взаимных отношений между действующими лицами, или отвлеченный психологический трактат, сохраняющий в своей отвлеченности свежую, полную жизненность, или, наконец, проследивание самых таинственных, неясных движений души, не достигших сознания, не вполне понятных даже для того человека, который сам их испытывает, и между тем получающих свое выражение в слове и не лишаящихся при этом своей таинственности. Это направление таланта Толстого имело влияние на выбор сюжета того рассказа, о котором мы теперь будем говорить с нашими читательницами. Автор положил себе задачу изобразить чувства умирающего и его отношения к тем предметам, среди которых он жил и которые, переживая его, представляют своим спокойным равнодушием разительную противоположность с нравственным томлением, происходящим в его душе. Рассказ Толстого состоит из трех отдельных эскизов, связанных между собою только характером содержания; общей нити рассказа нет. Автор изобразил только три момента, три смерти, происшедшие при различных условиях, при различной обстановке, и, обрисовав самыми яркими красками это различие, выставил во всех трех те общие явления, которые сопровождают собою разрушение всякого организма. Мы рассмотрим оба первые представленные автором момента, сближая между собою общие черты и указывая нашим читательницам на постоянное противоположение между свежою, кипучею, деятельною и беззаботною жизнью, с одной стороны, и медленным, безнадежным увяданием, с другой; что касается до третьего момента, то он представляет собою смелую, грациозную фантазию художника, – фантазию, которая, как